Далеко на плато Юнь Юэ, на юго-западе государства Чжунчжоу, посреди обширного первобытного леса, находился лагерь, которому было не суждено быть отмеченым на картах.

В общем, лагерь был построен в первозданном лесу. Помимо деревьев, которые защищали людей от ветра и дождя, вокруг лагеря было несколько волнообразных гор.

Граница между государством Чжунчжоу и государством Аннан находилась менее чем в двух километрах впереди. Это было настолько отдаленнное место, что не то что люди не ходили туда, там даже птицы не стали бы гадить.

Лагерь был довольно маленьким, в нем было всего около десятка хижин с соломенными крышами для людей и небольшая, чистая тренировочная площадка под открытым небом.

Дозорная башня высотой почти 10 метров и флагшток, с болтающимся на нем звездным флагом государства Чжунчжоу одиноко стояли посреди тренировочного поля. Это была самая высокая точка в лагере. Но, с таким окружением, вид со сторожевой башни был лишь немного лучше, чем с земли. Однако это было лучше, чем ничего.

Солнце почти зашло.

Заходящее солнце пролило свой последний луч на тренировочную площадку лагеря, после чего она стала совсем тусклой.

Ветер подул в сумерках.

Сильные порывы ветра оторвали Звездный Флаг от флагштока, заставляя его развеваться.

Группа солдат в военной форме молча салютовала под звездным флагом, выглядя серьезно и

почтительно.

Из 40 или 50 солдат, главным выглядел мужчина лет пятидесяти. Его внешность и фигура выглядели обычными, но пара очень сверкающих и даже острых глаз в значительной степени отполировали его образ. Он носил военную форму. Хотя на нем не было погон, он выглядел, как командующий, когда оглядывался.

Мужчина средних лет долго смотрел на Звездный флаг, развевающийся над головой, прежде чем опустил руку.

"Старший Ли, возвращайтесь со мной"

Опустив руку, мужчина средних лет посмотрел на старика в той же военной форме рядом с ним. Он говорил так искренне, словно умолял старика: "После многих лет тяжелой работы и ценной службы на границе, все заметили, что вам пора возвращаться и наслаждаться жизнью. обстановка здесь слишком плоха для вашего здоровья."

У старика в военной форме были седые волосы, но они были аккуратно причесаны, и даже стоял он совершенно прямо. В отличии от мужчины средних лет рядом с ним, он носил погоны, и ранг на них не был низким. Он был подполковником, хотя, если взглянуть на его возраст, его ранг уже не выглядел таким выдающимся...

Услышав слова мужчины средних лет, старик прищурил свои немного мутные глаза, покачал головой с улыбкой, и сказал: "Солдаты должны умирать на поле битвы. Как я могу вернуться? Наслаждаться легкой и беззаботной жизнью в ожидании смерти? Донгшенг, я ценю твою доброту, но я не вернусь. Хоть я и стар, я все еще могу держать оружие в руках и делать что-то для своей страны еще несколько лет. Пробыв здесь так долго, я не смогу привыкнуть к обычной жизни, даже если вернусь".

Выражение лица мужчины средних лет по имени Донгшенг было горьким. Он открыл рот и обеспокоенно сказал: "Старший Ли, ваше тело... Это действительно не очень хорошее место для вас, чтобы здесь оставаться"

"Я знаю свое тело"

Старый подполковник звучал равнодушно и выглядел решительно. "Хотя я не проживу слишком долго, я все еще могу носить оружие в руках в течение многих лет. Донгшенг, я принял решение. Если это только из-за моего тела, тогда тебе больше не нужно пытаться убедить меня"

Он сделал недолгую паузу и внезапно засмеялся: "Конечно, если ты здесь сегодня из-за Ли Куангту, маленького животного, который предал нашу страну тогда, и хочешь, чтобы я, Ли Хонгхэ, признал себя виновным за это, я пойду с тобой сейчас. Это животное предало нашу страну, и, как его отец, я виновен. Отец виноват в том, что не воспитал сына должным образом. Мне нечего сказать по этому поводу "

"Старший Ли!"

Выражение Е Донгшенг изменилось. Он выглядел недовольным и сердито сказал, повышенным тоном: "О чем вы говорите, старший? вы герой Чжунчжоу. Кто осмелится сказать, что вы виноваты? Если кто-то посмеет это сделать, я буду первым, кто застрелит его! В течение сотен лет военный закон государства Чжунчжоу никогда не указывал, что преступление одного человека должно влиять на других! Он предатель, но это не ваше дело. Это не то же самое. Если бы мы не доверяли вам, как мы могли держать вас на границе в течение 20 лет? "

Старик не выражал никаких эмоций на лице. Он просто смотрел на звездный флаг над головой с грустными глазами.

Е Донгшенг вздохнул. Он проглотил свою гордость и снова понизил голос, говоря: "Старший Ли, решение по делу об измене Куангту было вынесено очень давно, и этому было невозможно сопротивляться. Есть много деталей, которые все еще сбивают с толку. Я считаю, что Куангту не совершал измены. Хотя с тех пор прошло 20 лет, есть вероятность, что мы сможем изменить приговор, если будем тщательно его расследовать. Старший Ли, нам нужно что бы вы,наш якорь, вернулись в Ючжоу и подбодрили нас "

Ли Хонгхэ, казалось, был в унынии. Он покачал головой и ответил равнодушным тоном: "Забудь об этом. Спустя столько лет, какой смысл в отмене приговора? Донгшенг, если ты здесь не для того, чтобы осудить меня, тогда возвращайся. Это место очень подходит для меня. Я старик на пороге смерти. Я буду только страдать в таком красочном мире, как Ючжоу. Больше не говори об этом"

Е Донгшенг открыл рот. Он хотел что-то сказать, но остановился, подумав во второй раз. Что он мог сказать, когда все дошло до этой точки?

"Старший Ли,я дам вам время подумать над этим, и приду к вам с визитом через год. Если у вас есть какие-то требования, пожалуйста, не стесняйтесь говорить. Я сделаю все возможное, чтобы помочь вам"

Е Донгшенг замолчал некоторое время, прежде чем приоткрыть рот с горькой улыбкой.

Ли Хонгхэ только покачал головой, показывая, что у него нет требований.

Е Донгшенг глубоко вздохнул. Он не стал здесь оставаться, и направился прямо к вертолету, который стоял перед сторожевой башней.

Ротор вертолета завращался, и пыль закружилась в воздухе.

Подходя к вертолету, Е Донгшенг внезапно обернулся и громко закричал: "Старший Ли, вы вернетесь со мной в Ючжоу, если мы сможем доказать, что Куангту невиновен и смыть ваш позор?"

Пыль поднялась под ротором и сделала Ли Хонгхэ немного расплывчатым. Ли Хонгхэ прищурился и сказал невысоким, но ясным голосом: "Донгшенг, я жду хороших новостей".

Вертолет взлетал все выше и выше. Е Донгшенг сидел в кресле в кабине и смотрел на все уменьшающуюся тренировочную площадку, а точнее на старика, который развернулся и направлялся к сторожевой башне. Он прошептал: "Что тебя удерживает?"

В то же время.

На верхнем этаже сторожевой башни молодой человек, стоявший спиной к Ли Хонгхе, задал Ли Хонгхэ тот же вопрос, когда тот вошел.

"Что тебя удерживает?"

"Ты не поймешь"

Ли Хонгхэ посмотрел на молодого человека, стоящего у окна, и по-доброму ответил.

Это был худой молодой человек лет двадцати, который мог легко оставить приятное впечатление на окружающих с первого взгляда. Его красивое лицо казалось немного бледным из-за постоянного недоедания. Он был очень нежным, и его глаза были довольно ясными. Никто не мог увидеть в нем какой либо резкости, отчужденности или высокомерия. Он мирно стоял у окна в верхней части сторожевой башни, глядя на вертолет, улетающий все дальше и дальше, с нескрываемым желанием и тоской в своих ясных глазах.

Нежный, как нефрит, тихий и спокойный.

Никакие другие слова не были бы более подходящими, чтобы описать его.

"Почему бы тебе просто не уйти?"

Услышав ответ старика, молодой человек наконец обернулся и спокойно добавил: "Дедушка, это уже четвертый раз, когда кто-то просит тебя уйти отсюда, верно? Почему мы не уходим, когда можем?"

"Мы не можем."

"Вы ждете предложения получше?"

- спросил молодой человек, слегка приподняв брови.

"Это не зависит от меня"

Ли Хонгхэ горько улыбнулся и продолжил: "Тяньлань, ты не понимаешь. Только когда ты уйдешь отсюда и выйдешь во внешний мир, ты поймешь"

"Внешний мир."

Ли Тяньлань тихо произнес эти слова в своей голове, а затем посмеялся над собой: "Внешний мир?"

Он слышал эти два слова почти с самого раннего детства бесчисленное количество раз, но на самом деле его мир был нигде, кроме этого лагеря перед ним. Он выходил наружу один раз, больше года назад, но то была даже более изолированная среда.

Внешний мир?

Каким он был?

Он молча наблюдал за своим окружением. Верхний этаж смотровой башни напоминал комнату, окна которой были расположены во всех четырех направлениях. Комната была сделана из дерева, и устроена так,что бы укрывать от ветра и дождя, благодаря внешнему слою брезента.

Интерьер комнаты был плохо оформлен. Была только одна большая книжная полка, полная книг, которая могла заставить других смотреть на нее с благоговением. По обе стороны от книжной полки стояли две деревянные кровати. Были два стола, на которых лежали кисти и китайская художественная бумага лежала недалеко от книжной полки. Именно здесь дедушка и внук практиковали каллиграфию в повседневной жизни.

Это был мир, в котором вырос Ли Тяньлань. Он не ненавидел нынешнюю обстановку, но, однажды выйдя наружу, он все больше и больше хотел выходить наружу и наслаждаться пейзажем снаружи.

Тем не менее, его дедушка держал его под контролем все эти годы. Каждый раз, когда он просил выйти наружу, его дедушка говорил ему, что подходящее время еще не пришло. Он не знал, когда придет время. Однако в последнее время он становился все более и более нетерпеливым.

Он глубоко вздохнул, взял кусок белой ткани и намочил его в воде. Затем он подошел к табличке на столе и молча протер ее.

Эта мемориальная табличка была возможно самой ценной вещью во всем лагере. Это была табличка длиной почти два метра и шириной в один метр, сделанная из красного сандалового дерева. Это была редкость, даже если она была бы представлена в верхних кругах государства Чжунчжоу. Два слова на табличке были написаны так естественно и плавно, что выглядели как плавающие облака и текущая вода. Они полностью продемонстрировали манеры великого мастера.

Семья Ли!

Ли Тяньлань молча посмотрел на эти два слова и неожиданно спросил: "человек, который только что приходил сюда, говорил, что он может отменить приговор моему отцу?"

"Это для моего сына, а не твоего отца. Он не сделает этого для твоего отца"

Стоя перед книжной полкой и просматривая книги, Ли Хонгхэ небрежно ответил.

"Есть ли разница?"

Ли Тяньлань снова поднял брови. Он был нежным и хрупким на вид, но это его поднятие бровей сделало его свежим и живым, он выглядел остро и свирепо.

"Конечно."

Ли Хонгхэ спокойно сказал: "Они не знают, что у меня есть внук. Если бы они знали, что ты существуешь... Хе-хе ..."

Выражение лица Ли Тяньланя было немного суровым, и он не говорил.

Ли Хонгхэ разразился смехом и продолжил говорить: "Тогда, я лично тренировал Е Донгшенга, поэтому я хорошо его знаю. Он сказал, что беспокоится о моем здоровье, и, думаю, он говорит правду. Думаю, что он отправит двух частных врачей для меня в течение трех дней после его отъезда. Он добросердечный"

"И?"

Сердце Ли Тяньланя инстинктивно забилось быстрее. Он не знал, что это значит, но ему было совершенно ясно, что если сюда придут частные врачи, то это значит, что лагерь впервые за все эти годы посетят аутсайдеры.

"Так что тебе пора выйти наружу. Это подходящее время"

Ли Хонгхэ улыбнулся своему внуку нежными глазами, в которых было видно его искреннее удовлетворение и восторг.

Тело Ли Тяньланя явно дрожало. Он быстро посмотрел на Ли Хонгхэ.

Ли Хонгхэ вытащил книгу с книжной полки и открыл ее. Он вынул приглашение и карточку.

Затем он подошел к Ли Тяньланю и вручил ему приглашение и карточку, говоря спокойным тоном: "ты должен уйти сегодня".

Ли Тяньлань дрожащими руками взял две вещи. Приглашение, которое вручил ему дедушка, почти сразу привлекло все его внимание.

Всё приглашение было черным,как смоль, за исключением серебряного Звездного флага и маленьких серебряных слов под флагом, которые были выгравированы на его обложке.

Небесная Академия.

В государстве Чжунчжоу было две академии, которые были мало кому известны среди обычных людей, но были чрезвычайно известны в определенных кругах.

Одна называлась Глубоководная академия, которая находилась в Ючжоу.

А другая называлась Небесная Академия, которая находилась в Хуатинг.

Они были двумя лучшими академиями спецвойск в государстве Чжунчжоу.

Они были местами сбора молодых элит в государстве Чжунчжоу.

Лучшие члены особых войск, отборные шпионы и самые многообещающие мастера боевых искусств собирались вместе и соревновались друг с другом.

Две академии спецвойск не имели длинной истории. Тем не менее, они вырастили довольно много хороших генералов всего за несколько десятилетий. И это, без сомнения, было их славой.

За несколько десятилетий две Академии Спецвойск создали сотни генералов и многочисленных агентов.

Под предпосылкой службы стране, выдающиеся выпускники из Небесной и Глубоководной академий имели значительные отдельные права. Они могли самостоятельно выбрать в какой отдел спецвойск поступать и могли получить основную подготовку.

Для любого, у кого есть сила и амбиции, но нет поддержки, письмо о приеме из Глубоководной или Небесной академий было похоже на дорогу на небеса!

И черным приглашением в руке Ли Тяньланя было письмо о приеме в Небесную Академию.

Ли Тяньлань испытал прилив эмоций. Он был восхищен не только письмом о приеме, но и его отцом, который закончил Небесную Академию и закончил ее с самыми высокими оценками.

Предал ли он государство Чжунчжоу?

На этот раз он должен был узнать правду!

Ли Хонгхэ, похоже, понял, что происходит в голове Ли Тяньланя. Он спокойно сказал: "Не делай того, чего не должен делать. Не торопись расследовать дело твоего отца. Это бесполезно. Твоя личность должна храниться в секрете. Как только другие узнают, что ты мой внук, ты только и сделаешь, что быстрее умрешь. Конечно, тебе нужно отменить приговор отца, но пока ты недостаточно квалифицирован для этого. По крайней мере, твои достижения должны быть не хуже, чем у твоего отца. Только в этом случае ты будешь квалифицирован, чтобы провести расследование".

Ли Тяньлань молча кивнул.

"Знаешь, почему я все еще здесь сегодня?"

Ли Хогхэ внезапно спросил. Он усмехнулся и сказал, прежде чем его внук смог ответить ему: "Это потому, что я достаточно силен"

"Думаешь, что оставаться здесь хорошо, дедушка?"

Ли Тяньлань держал письмо о приеме и не мог не задать этот вопрос.

Ли Хонгхэ глубоко посмотрел на внука и спокойно сказал: "Нет, я так не думаю. Но там есть нечто похуже, и ты вряд ли хотел бы слышать об этом"

Он покачал головой и указал на карточку в руке Ли Тяньланя, сказав: "Когда ты приедешь в Хуатинг, позвони по этому номеру, и кое-кто подберет тебя и организует для тебя поступление."

Ли Тяньлань кивнул и неожиданно спросил: "Как насчет тебя, дедушка? Ты не собираешься уходить со мной?"

"Я буду ждать, когда ты заберешь меня."

Ли Хонгхэ улыбнулся и сделал шаг вперед, чтобы подобрать одежду для своего внука. Он спокойно добавил: "Тяньлань, есть вещи, которые не так просты, какими ты их видишь. Ты поймешь это, после того, как выйдешь наружу. Я буду ждать, когда ты станешь сильнее. Я покину это место, когда ты сможешь отменить приговор своего отца и смыть позор семьи Ли. "

Сделав шаг назад, он с улыбкой посмотрел на Ли Тяньланя и продолжил: "Я могу позволить себе подождать еще несколько лет"

Ли Тяньлань решительно посмотрел на письмо о приеме.

Для всего государства Чжунчжоу его дедушка был заслуженным солдатом. Ли Тяньланю было совершенно ясно, что это прошлые достижения дедушки позволили ему покинуть этот лес с письмом о поступлении в Небесную Академию, чтобы бороться за возможность отменить приговор его отца и смыть позор семьи Ли. Однако преступление, совершенное его отцом, блокировало все его пути к отступлению.

Он мог только двигаться вперед, но никогда не мог отступить в этой поездке.

Он бы оказался в безвыходной ситуации, если бы отступил!

"Я пойду сейчас"

Ли Тяньлань отложил письмо о зачислении и сказал прямо.

Ли Хонгхэ слегка кивнул и внезапно сказал тихим голосом: "На самом деле, есть кое-кто, кто может тебе помочь. Кстати, этот человек довольно могущественный"

"Я устроил для тебя помолвку в тот год, когда ты родился. Тебе не нужно знать, кто твоя невеста. Этот брак все еще в подвешенном состоянии, и это зависит от твоих действий. Тот старик относительно реалистичен. Если ты будешь вести себя, как ни на что не годный, он определенно не выдаст за тебя свою внучку, но если ты хорошо себя покажешь, он пошлет кого-нибудь к тебе. В то время, будет ли этот брак действительным, будет зависеть от тебя."

Ли Тяньлань молча кивнул. Он отступил на шаг, встал на колени и трижды поклонился старику.

Ли Хонгхэ стоял там, где он был, не давая никакого ответа.

Ли Тяньлань молча встал и начал спускаться с дозорной башни.

За окном солнце уже зашло, и тьма окутала весь лес.

В ветреную, но безлунную ночь Ли Тяньлань бесстрастно шел через лес, все дальше и дальше.

Старик стоял у окна и смотрел на спину Ли Тяньланя, пока тот полностью не исчез из виду. Он медленно обернулся и подошел к своему столу. Затем он взял свою кисть для письма и чернильный камень, планируя заняться каллиграфией.

Ни дедушка, ни внук не были хороши в каллиграфии, но практика каллиграфии могла воспитать их характер. Поэтому они продолжали практиковать каллиграфию на протяжении многих лет.

Однако Ли Хонгхэ не смог написать ни слова после долгого времени на этот раз. Он положил кисточку. Затем он подошел к столу Ли Тяньланя.

Чернила на надписи Ли Тяньланя уже высохли. Сочетание черного и белого было особенно ослепительным.

Ли Хонгхэ уставился на китайскую бумагу, и его зрачки внезапно сузились.

В отличие от маленьких иероглифов, которые обычно писал Ли Тяньлань, на тонкой китайской художественной бумаге был только один большой символ. Этот символ выглядел живым и энергичным, и от него беспощадно и ярко веяло безжалостностью.

УБИТЬ!

Ли Хонгхэ внезапно оглянулся.

Фигура Ли Тяньланя давно исчезла, оставив только бесконечную тьму, которая распространялась по лесу.

http://tl.rulate.ru/book/20983/543711